

А.В. Бускина

**Основные аспекты концепции «о начале времен»
в религиозной идеологии Кумранской общины
(196 г. до н.э. – первая половина I в. н.э.)**

Обширный корпус реконструированных и опубликованных на сегодняшний день текстов рукописей Мертвого моря предоставляет возможность рассмотреть процесс становления концепции сакрального времени и проанализировать факторы трансформации ветхозаветной темпоральной модели в контексте ессеиско-кумранской литературной традиции II в. до н.э. – I в. н.э.

Содержательность представлений о времени в рукописях Мертвого моря связана с выделением таких смысловых координат, в которых фиксировалась бы эволюция некоторых элементов традиционного иудаизма и новаций, привнесенных кумранитами в понимание временных аспектов религиозности. Именно посредством их обеспечивались и концептуально обосновывались процессы взаимоперехода от прошлого Израиля к его будущему, отражающие в широком смысле особенности религиозно-сектантского восприятия истории.

Авторы кумранских сочинений пребывали в состоянии напряженного эсхатологического ожидания и, обращаясь к проблеме «исхода» времени, допускали несоответствие сотворения мира, описанного в Книге Бытия, с непосредственным началом истории. По мнению членов общины, сам процесс начинался несколько раз, однако проходил различными путями и стремился к одной точке (о влиянии апокалиптических настроений на восприятии истории см. [1]). Подобное явление, вероятно, и создавало интенсивное эсхатологическое напряжение. В связи с этим проявилась особенность, свойственная иудаизму: «начало времени» как точка отсчета материальной истории и начало духовной истории не являются идентичными. Как и в ветхозаветной модели восприятия времени, сотворению мира в кумранских текстах отводится особое место (Анализ темпоральной лексики и текстологических особенностей пассажей, отражающих кумранскую версию сотворения мира, см.: [2]). До наших дней сохранились такие документы, как *Устав* (1Q S), *Благодарственные гимны*, где зафиксирована в сложной аллегорической форме история сотворения: *И в мудрости своей Ты установил вечность, и до сотворения, Ты знал все деяния их на веки вечные. Без Тебя ничто не делается и ничто не будет познано без соизволения Твоего. И Ты сотворил всякий дух... и правосудие всякому их деянию. Ты разостлал небеса ради славы Твоей, все что в них по воле Своей, и духов силы по законам их, прежде чем стали они ангелами святыми... вечными*

духами во владычестве своем, светила с тайнами их, звезды тропами их, и все ветры сильные с ношей их, зарницы и молнии со служением их, кладовые со всем содержимым для потребностей их ради тайн их. Ты создал землю силою Своею, моря и бездны... устроил Ты мудростью Своею, и все что в них определил Ты по соизволению Своему... для духа человека, которого создал Ты во вселенной на все дни вечности, на поколения их вечные. Ты разделил служение их по всем поколениям и правосудие [сбудется] в назначенное время, чтобы повелевать поколение за поколением. И возмездие, назначенное им со всеми поражениями их... Ты разделишь на всех их потомков, по числу поколений вечности и на все вечнующие годы. И мудростью Своего знания установил Ты предназначение прежде бытия их. И все произойдет по соизволению Твоему, и без Тебя ничего не свершится (1Q Н I, 9:7-20 (1:7-20) (первая нумерация источника приводится по изданию [3], вторая нумерация по изданию [4]). В настоящее время в зарубежном кумрановедении предпочтение отдается нумерации Э.Л. Сукеника [4]).

Приведенный фрагмент заключает в себе все основные идеи, которые, по представлению кумранитов, были заложены при сотворении мира. Во-первых, была высказана версия, согласно которой при сотворении устанавливается определенный порядок для всех вещей «на всю вечность» (подробнее о частотности употребления понятия «вечность» в рукописях см. [5]). Особое внимание Г. Брин обращает на то, что в рукописях этот термин применяется не только ко времени, но и к пространству. Пространственного значения термина почти не встречается в Библии, но довольно распространено его употребление в интертестаментальной литературе, в частности в текстах Кумрана. Причем в тексте присутствует немаловажная онтологическая установка: все сотворенное обладает началом, но, в соответствии с божественным замыслом, не имеет конца. Заметим, что последнее понятие носит условный характер, так как наряду с «концом времен» кумраниты, как и многие другие иудеи эпохи Второго Храма, все же ожидали наступления «мира грядущего».

Во-вторых, в описании замысла сотворения мы встречаемся с актуализацией идеи всеобщего предопределения, которая представляла особую значимость для авторов текстов, выступая в качестве связующего звена для дуалистического мировоззрения и целого ряда аспектов религиозной идеологии кумранской

общины. В приведенном выше фрагменте текста раскрывается сюжет о предначертанной участи всего сотворенного, но первостепенное значение для кумранитов имело все-таки индивидуальное предопределение участи («жребия») человека. Наиболее отчетливо этот мотив присутствует в Уставе общины в наставлении о двух духах: *От Бога знания все сущее и должное быть. Прежде бытия их основал Он каждую мысль их, и существованием своим они подтверждают его славный замысел, исполняют работу свою, не изменяя ничего. В руке Его законы всему и Он обеспечивает все нужды их. И Он сотворил человека править миром, и положил ему два духа, руководствоваться ими до срока возмездия Его: это дух правды и беззакония. В пристанище света – родословие правды, а из источника тьмы – родословие беззакония* (1QS 3:15-19) (о возможном зороастрийском происхождении учения о двух путях, а также о развитии учения в еврейской традиции см. [1; 6]).

Представляется, что в этих изречениях присутствует и определяющая весь исторический процесс дихотомия двух сущностей вместе с предопределенным исходом (1QS 4:17-18) и эсхатологическая история, которая впоследствии в сознании кумранитов окажется соединена с возникновением общины «сынов света». Гимнологическая форма этих утверждений обладает явными чертами сходства с Благодарственными гимнами, которая при этом отражала не только глубину патетического преклонения перед величием премудрости Бога, но и отвечала «дидактическому» замыслу автора помочь читателям из числа кумранских монахов сплотиться, усвоив предназначение и мотивировку перехода в «пристанище света – родословие правды». Этот же фрагмент допускает интерпретацию, эксплицитно выражающую идею, пронизывающую множество текстов, как написанных общиной (1 Q H 1:22, 4:13; 11:8; 18:22; 12:13; 14:12-14; 15:12; 18:10; 1Q S 3:16; 11:11; 18–19; 1 Q M 13:2), так и воспринятых ею извне относительно предопределенности возникновения и осуществления всей мировой истории, всего будущего мироздания и собственно общины в «надмирном» Разуме Бога. Благодаря обоснованию, содержащемуся в приведенном выше фрагменте текста, круг идей праведных монахов оказывается вписан в некое идеальное пространство «должного» мира, пространство вначале сакральное, а затем утопическое.

Следует отметить, что кумранская концепция предопределения распространялась прежде всего на жизненный мир каждого человека, включая его помыслы, поступки, высказывания, которые изначально свершались в идеальной (дотварной) проекции: *...и прежде, чем Ты сотворил их, Ты знал все их деяния до окончания века, ибо без Тебя ничего не делается, и ничто не познается без Твоей Воли...И мудростью Знания Ты утвердил их удел, прежде их бытия. Все уже начертано [«выгравировано»] пред Тобой в записи скрижалей*

Памяти на все периоды вечности. Ты сотворил дух языка, и ты знаешь его слова, и ты утвердил плод уст, прежде чем они стали существовать (1 Q H 1:8–9; 20–21; 28–29).

Необходимо подчеркнуть, что подобное восприятие действительности позволяло членам общины мыслить себя заранее спасенными, оно также оказывало влияние на достаточно жесткое отношение к находящимся вне общины, считая их заведомо потерянными для праведной жизни. Вероятно, именно в свете сказанного находит объяснение не столько сектантская экзальтация, сколько непреклонная вера монахов в осуществление великих пророчеств и предвестий лидера общины Учителя Праведности, что убедительно подтверждается текстуально, а также содержанием «коммунитарного» уклада кумранской общины.

В-третьих, в приведенной цитате из Благодарственных гимнов содержится примечательное положение о разделении истории при ее сотворении на определенные периоды – поколения, что является весьма значимым для дальнейшего анализа понятия «юбилеев» в формировании кумранской концепции времени. В кумранской картине мира деление истории на эпохи, по всей видимости, тоже воспринималось как изначально заданное: *...периоды, до сотворения установил Он, чтобы завершить все сущее и грядущее, и свершения их по всему порядку периодов, период за периодом. И это выгравировано на небесных скрижалях для сынов человеческих на все периоды их владычества* (4Q180 1:1-4). Приведенная цитата взята нами из текста, получившего название «Периоды сотворения» (4Q180), реконструированного из восьми фрагментов текстов, написанных позднеиродианским официальным письмом. Большинство исследователей на основании встречающейся терминологии квалифицируют текст как сочинение общины (см.: [7–8]). Уникальность текста в том, что хотя он и относится к жанру *комментариев*, но все же поясняет не столько библейский текст, сколько тему истории.

Эта идея вытекает из общего учения о предопределении и конкретизирует его. С указанным кругом воззрений, пронизывающих значительную часть текстов общины, связана и фундаментальная для монахов идея, что все в историческом процессе, и прежде всего установленные в нем периоды, регулируется в соответствии с «тайнами Бога», существующими уже при сотворении. В данном случае для нас представляет немаловажное значение то, что такая установка сыграла роль исчерпывающего обоснования самоизоляции кумранитов от других религиозных группировок.

Таким образом, изучение отдельных аспектов концепции времени в контексте религиозной идеологии кумранитов позволяет сделать вывод, что история всего мироздания – и в прошлом, и в настоящем, и в будущем – была непосредственно связана с историей

общины. Кумранская версия процесса сотворения мира содержит в себе комплекс идеологических установок для понимания священной и мирской истории в период Второго Храма. Возникнув в ситуации кризиса, связанного с разрушением традиционных представлений о сакральном, авторы кумранских свитков предложили новую темпоральную систему, в центре которой находилась сама община. Временной континуум представлялся кумранитам не текущим, а «исполняющимся», где прошлое оказывается знаком настоящего, будущее – проекцией настоящего времени. Большая часть того, что говорится в кумранских текстах о сотворении, вытекает непосредственно из временной модели Пятикнижия, следование которой для монахов-традиционалистов представлялось принципиально важным. Однако в кумранском варианте вследствие актуализации эсхатологических настроений, особенно сильно повлиявших на восприятие истории, был значительно усилен элемент предестинации. Представляется логичным предположить, что подобная интенсификация происходит вследствие

изоляции общины от остального мира, высокой степени религиозной экзальтации, подкрепленной верой в собственную вечную избранность, а также претензиями на обладание особенным божественным откровением, недоступным никакой другой из современных кумранитам групп.

Следует отметить, что ход исторического процесса воспринимался кумранитами как история религиозно-этических взаимоотношений Творца и «сынов света» (как они называли себя). Кроме того, посредством рассматриваемого обострения фактора предопределения понимание временной протяженности сводится к некоторой парадоксальности: в сотворении она максимально растянута, поскольку ей предстоит длиться вечность, и максимально сжата, поскольку уже осуществилась. Подводя итог, следует учитывать, что специфика кумранского истолкования процесса сотворения имеет первостепенное значение для анализа представлений о временном континууме в целом, включая эсхатологические составляющие, а также для выявления взаимосвязи «священного» и «мирского» времени.

Литература

1. Collins J.J. *The Apocalyptic Imagination. An Introduction to Jewish Apocalyptic Literature.* – Cambridge, 1998.
2. Ringgren H. *The Faith of Qumran: Theology of the Dead Sea Scrolls.* – New York, 1995.
3. Martinez F.G., Tighelaar E.J. *C The Dead Sea Scrolls. Study Edition.* – Leiden; Boston; Koln, V. 1–2, 1997–1998.
4. Sukenik E.L. *The Dead Sea Scrolls of the Hebrew University.* – Jerusalem, 1954.
5. Brin G. *The Concept of Time in the Bible and the Dead Sea Scrolls.* – Leiden; Boston; Koln, 2001.
6. Philonenko M. *La Doctrine Qoumranienne des Deux Esprits // Apocalyptique Iranienne at Dualisme Qoumranien.* – Paris, 1995.
7. Dimant D. *The Peshet on the Periods (4 Q180 and 4Q181).*
8. *II Israel Oriental Studies* 9, 1979.